

Я живу в нескольких минутах езды от окраины небольшого городка в скромном, тихом одноэтажном доме, переделанном в две квартиры. Я живу здесь уже более десяти лет и видел, как жильцы приходят и уходят по соседству. Ни с кем из них я не встречался иначе, чем с улыбкой и взмахом руки, изредка здоровался или заводил легкий разговор... до сих пор.

Мой хозяин показывает пустую квартиру привлекательной даме, которой, возможно, около сорока лет. Она маленькая и стройная, с седыми волосами длиной до плеч и черными корнями. Она стильно одета в белую рубашку, частично расстегнутую на ее небольшой груди. Обтягивающие фигуру джинсы, выстиранные до блеска, надеты на ней так, что хвост рубашки свисает поверх них. Ее коричневая сумочка из кожи и хлопка дополняет ее кожаные туфли на высоком каблуке с открытым носком, что подчеркивает ее ярко-красные ногти на ногах.

У нас состоялся короткий, но приятный разговор. Что-то в этой даме меня привлекает. Возможно, это ее легкая манера поведения или интригующее чувство юмора. А может быть, это ее мягкие глаза. Во время нашей короткой встречи она часто касалась или поглаживала мою руку. Хозяин дома проявляет мало терпения в нашем разговоре. Время для него - деньги, и он уводит ее, чтобы показать ей все владения.

Возможно, я выдавал желаемое за действительное, но я почувствовал некую искру между нами. К сожалению, после осмотра дома она ушла, прежде чем у меня появился шанс поговорить с ней и узнать ее получше. Я думал о ней весь день, но убедил себя, что, скорее всего, больше ее не увижу.

Это жаркий и знойный полдень, два дня спустя над головой нависли густые тучи, грозящие в любой момент разорваться. Когда я подъезжаю к дому, ее блестящая яблочно-красная машина стоит на моем обычном месте. На ее месте припаркован фургон для переезда, двое рабочих выгружают мебель и другие вещи.

Я оставляю свой пикап на обочине дороги и медленно вхожу в дом. Ко мне подходит женщина в свободном белом топе, частично застегнутой зеленой цветочной рубашке, белых шортах и темных солнцезащитных очках, поднятых над бровями.

Она обнимает меня на вытянутых руках и заглядывает мне в глаза, нежно обхватывая мои бока своими маленькими ручками. "Привет, я не успела сказать тебе свое имя на днях, это Анна. Хозяин квартиры - такая сволочь, и я прошу прощения, что ушла так внезапно, не узнав твоего имени и номера телефона. Я бы написала смс, почему я ушла, я тоже хотела узнать получше.

"Привет, Анна. Не беспокойся, я Мэтт". сказал я ей, возвращая объятия. "Ты двигаешься довольно быстро, учитывая, что ты увидела квартиру всего пару дней назад. А теперь ты уже переезжаешь?"

"О, хорошо, я начинаю свою новую работу на следующей неделе. Вид на озеро сзади был прекрасен. К тому же, сосед оказался довольно привлекательным и дружелюбным". Анна кокетничает.

"О, я не знаю... первое впечатление часто бывает обманчивым. "

"Надеюсь, что так", - говорит она певучим голосом и соблазнительно улыбается.

Вскоре грузчики заканчивают свою работу и уезжают. Мы с Анной стоим за дверью ее квартиры, глядя на неуставленную мебель, стопки картонных коробок, пластиковые пакеты и корзины, наполненные ее вещами.

"Вздых!" Анна смеется, снимая свою цветочную рубашку и бросая ее внутрь, где она падает на одну из коробок. Она несколько раз дергает за свободный топ, вытирая пот.

"Наверное, мне уже пора начинать распаковывать вещи, да?" Глядя на меня, Анна небрежно размахивает руками сзади наперед.

"Хех, хех... Боже, у тебя, конечно, много вещей в этой маленькой квартирке. Ты планировал спать на улице?"

Анна игриво отталкивается и бьет кулаком по моей руке, отбиваясь. "Отвали!"

Мы с Анной немного посмеялись, затем я предложил ей руку. Она загорается как рождественская елка и бросается ко мне, обнимает меня и дарит короткий, но достойный поцелуй. Я обхватываю руками ее мягкое тело. Говорю вам, я не могу насытиться ее объятиями!

Внутри квартиры Анны все окна и входная дверь широко открыты. Небо темнеет, и дует легкий ветерок, делая распаковку коробок немного более терпимой. Я не могу отделаться от мысли о том, чтобы сорвать с Анны топ и задрать ее шорты, прежде чем воткнуть в нее свой стальной стержень.

Анна слегка прижимается ко мне руками и бедрами, пока роется в коробках. Сначала я не мог понять, были ли ее действия непреднамеренными или преднамеренными. Поэтому я коснулся ее спины, чтобы посмотреть, что произойдет. Она не вздрогнула и ничего не сказала, как будто ей нравится это внимание. Несколько минут спустя она загоняет меня в угол среди коробок и упирается своим задом в мою промежность на несколько долгих секунд, уверяя меня, что ее прикосновения не были случайными.

Анна отстраняется и начинает напевать.

"Эй, Анна, это звучит очень мило, ты поешь?".

Анна приседает, раздвинув ноги, и тащит между ними два пакета с покупками. Она улыбается мне. "Раньше я профессионально пела как солистка и в группе. Я не пела, наверное, лет 25?".

"Вам стоит начать петь снова". Я культивирую.

"Спасибо, Мэтт; я думал об этом. Я думаю о том, чтобы спеть на городском фестивале, который состоится через две недели". Она радостно щебечет о перспективе сделать все это снова.

"Ну, дай мне знать, если ты это сделаешь, и я пойду посмотреть на твоё выступление".

"Обязательно", - отвечает Анна, - "и я даже достану тебе билеты".

Мы с Анной продолжаем разговаривать, пока разгружаем коробки и двигаем мебель. Время от времени в наших разговорах наступали паузы, и Анна иногда пела, чтобы заполнить пустоту.

Наконец-то квартира начинает понемногу становиться похожей на дом.

Мы с Анной поднимаем её телевизор на стену. Затем она поднимает свой 32-дюймовый телевизор, и пока она несёт его, бретельки её наряда сползают с её загорелых плеч, и её белый топ провисает под её кремово-белой грудью. Я ничего не могу с собой поделать; я запрограммирован смотреть на сиськи; я не могу не смотреть на них. Это было все, что я мог сделать, чтобы не схватить эти прекрасные шары.

Анна смотрит в мою сторону, когда откладывает телевизор и замечает, что я смотрю на неё, она улыбается и пожимает плечами, прежде чем беспечно задрать свой топ. Тот факт, что я увидел её обнажённую грудь, похоже, её не беспокоит. С искоркой в глазах она спрашивает. "Тебе нравятся мои сиськи?"

"Конечно, нравятся, не буду врать". Я отскакиваю назад.

На её лице появляется озорная, злобная ухмылка, когда она продолжает распаковывать свои вещи.

Через некоторое время Анна подходит к столу, где лежит её сумочка, и достаёт бумажник и ключи от машины. Она надевает свою цветочную блузку и направляется к открытой двери, улыбаясь в ответ. "Привет, Мэтт. Я сейчас вернусь. Ты продолжай, хорошо?"

Я киваю и тянусь к одной из немногих оставшихся коробок, думая вслух: "Боже, есть же конец этому безумию!".

Затем я сделал себе мысленную пометку: "Никогда больше не вызывайся помогать кому-то переезжать". Мне 53 года, и я должна знать лучше".

Машина Анны выехала с подъездной дорожки и направилась по дороге в сторону города. Чуть больше чем через полчаса она возвращается, выходит из машины с белой сумкой для покупок.

Поднявшись по ступенькам и пройдя через открытый дверной проем, она объявляет: "Ужин готов!!!".

Анна ставит пакет на стол, возвращает ключи и кошелек в сумочку, снимает блузку. Она раскраснелась и вспотела от высокой влажности после обеда, но все же ей удается улыбнуться, когда она роется в пластиковом пакете и достает два сэндвича и напитки.

"Надеюсь, ты не возражаешь против того, чтобы съесть бутерброд, Мэтт. Я как-нибудь приготовлю тебе что-нибудь получше, чтобы компенсировать сегодняшний день, ты не против?".

"Не беспокойся об этом!" отвечаю я. "Спасибо!"

Сейчас уже немного за пять часов, дождь начинает усиливаться, а гроза поднимает прохладный ветер, который задувает в дверной проем. По всей деревне слышны раскаты грома. Словно один из безумных экспериментов Николая Теслы, молния вспыхивает в позднем полуденном небе. Анна осторожно садится, затем снова встает и идет к двери. Она смотрит на дождь, который, хотя временами и проливной, идет почти горизонтально и отскакивает от земли. Ее мысли, кажется, находятся за миллион миль отсюда, когда она медленно вдыхает и скрещивает руки. Наступает длительное молчание.

"Мм... Я давно не видела дождя в деревне. Я любила гром, молнию и шум дождя, когда была маленькой девочкой и росла в Европе на ферме моего дяди с мамой и тетей. Моя сводная сестра, я называю ее так, но на самом деле она моя кузина. Так вот, мы с ней часто устраивали драки в грязи за сараем и появлялись у задней двери нашего старого фермерского дома, измазанные грязью с ног до головы. Мама так на нас сердилась". Анна улыбается и слегка хихикает, вспоминая свое детство.

"Ммм... Я тоже люблю ливни", - говорю я, улыбаясь Анне, когда она рассказывает свою историю. Дождь, стучащий по бетонным ступеням, звучит как шипящий стейк и кажется прохладным и освежающим в летнюю жару.

Анна бросает взгляд через плечо и спрашивает вслух. "Ты когда-нибудь трахался под дождем?".

"Нет, ближе всего я была в палатке с моим бывшим, когда шел такой дождь".

"Ммм... а что случилось с твоей женой?"

"О... ничего... ничего впечатляющего... я не знаю, Хизер как-то изменилась, она просто больше не казалась счастливой, и мы просто отдалились друг от друга. А ты? Ты когда-нибудь выходила замуж?"

Проходит еще минута или около того, и Анна тихо говорит, глядя на дверь. "Кевин, мой тогдашний 49-летний муж, однажды утром встал, попрощался, сказал, что хочет развестись, вышел за дверь и переехал к своей 23-летней подруге в тот же день. И она, и наша годовщина - ровесники".

"Дети переехали с ним?"

"Ммм... у меня никогда не было детей, у меня был выкидыш", - мрачно сказала она.

"Ооо, простите..." Я пожалел, что задал этот вопрос.

"Все в порядке, Мэтт. Расслабься, ты и понятия не имел! "

Анна задерживается у входной двери еще на несколько секунд, прежде чем вернуться на свое место и взять свой сэндвич. Мы двое чувствуем себя комфортно друг с другом, тьякаем и едим, как две счастливые маленькие собачки.

Почти все коробки уже распакованы. Мы с Анной проводим остаток вечера, флиртуя и знакомясь друг с другом, расставляя по квартире пару предметов. Я возвращаюсь к себе в соседнюю квартиру, и уже несколько минут за полночь. Я едва могу держать глаза открытыми, когда раздеваюсь, чтобы лечь в постель, я кладу голову и не успеваю опомниться, как быстро засыпаю.

На следующий день я просыпаюсь в свое обычное время - в шесть часов лета, и солнце уже ярко светит. Я занимаюсь своими обычными делами: варю кофе и беру свой планшет и иду к столику на веранде.

<http://erolate.com/book/2405/61432>